

СДЕЛАТЬ ПОЛЬШУ СНОВА РОССИЕЙ? НЕУДАВШИЙСЯ ПРОМЕЖУТОК КУЛЬТУР, ИЛИ СТРАНА «ВТОРОГО МИРА» В ЭПОХУ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Матеуш Шмурски

Иллюстрация: Дагмар Шурер

Нынешняя волна беспрецедентных гонений в Польше со стороны государства на представителей LGBTQ+ может кому-то показаться очередным примером полицейского произвола, и вообще продолжением «обскурантистской» традиции в Европе. Но другие уже называют происходящее Стоунволлским бунтом на польский манер. Понятие Центральной Европы как культурного промежутка, который не полностью не ее Западе и не совсем на ее Востоке, было в свое время сформулировано, на руинах Будапешта, Иштваном Бибо — юристом и политологом еврейско-венгерского происхождения. Вот чем уж точно выделяется это центрально-европейское пространство: обе мировые войны начались именно отсюда, взять ли Сараево или Данциг (Гданьск). Могут ли и нынешние события в Польше, да и в окружающем ее регионе, пролить свет на то, как переплетаются здесь глобальные и региональные проблемы?

«ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В ПОЛЬШЕ – ИНЫМИ СЛОВАМИ, НИГДЕ»
(Альфред Жарри, «Король Убу», 1896)

Когда Марго Шутович, активистка за права небинарных меньшинств совершила нападение на автофургон, принадлежащий фонду по борьбе с абортами, его водитель был просто ошеломлен. Она проколола шины, сорвала зеркало и номерной знак, повредила камеру заднего вида и вымазала агитационный грузовик краской. И все это в знак протеста против лозунга на кузове: «Лобби LGBTQ+ хочет учить детей мастурбировать в 5 лет, давать согласие на секс в 6 лет, и иметь первый половой опыт с оргазмом в 9 лет. Остановим педофилию!»

Не менее ошеломлены были и прохожие мимо главных ворот Варшавского Университета, где стоят скульптуры Иисуса Христа и Коперника, когда они увидели первого из них задрапированным в радужный флаг. И потом, когда несколько десятков активистов заблокировали полицейский фургон, в котором увозили их арестованную соратницу.

Ошеломлен был и весь мир, наблюдая за резкими, но бестолоковыми действиями полицейских. Они схватили 48 попавшихся под руку граждан, как активистов, так и случайных прохожих. Бросили из на землю, чтобы надеть наручники, не предъявляя никаких причин для ареста. Перевозили из одного полицейского участка в другой в течение 12 часов, допрашивали их по ночам и заставляли спать на голом полу, без всяких одеял и матрасов. Не давая ни пищи, ни воды.

Ошеломлен также и я, когда пишу теперь эти строки под радужным флагом, вывезенным из Варшавы в Париж, где теперь живу. Задуманная мной статья совсем не должна была освещать такие вот сводки новостей.

Их заковали в наручники прямо перед моей альма матер – где мне удалось получить бесплатное высшее образование по междисциплинарной программе, включая докторскую степень совместно с Университетом Сорбонны. Арестованные были одновременно и детьми моего ЛГБТ-сообщества, так и моей родной страны. Ее недавно избранный президент, за которого кстати голосовали мои же родители, заявил в этом году вот что: «Поколение моих родителей сорок лет подряд боролось, чтобы вычистить советскую идеологию из школ. И совсем не для того, чтобы туда сегодня пришла новая идеология – еще более разрушительная для общества». И дальше, он подытоживает: «меньшинства ЛГБТ – это не люди, а идеология».

От себя добавлю: здесь вам не Америка. И еще рано говорить о бунте секс-меньшинств вроде Стоунволла. И тем не менее, происходящее в Польше есть повод для очерка о назревших конфликтах – социальных, политических и культурных, в наше непростое время пандемии. В которое ставки, может быть, выше чем были когда-либо. В конце концов, наша бедная планета по-прежнему несет семнадцать тысяч ядерных боеголовок, а ее климат стремительно теплеет. Страсти тоже накаляются, несмотря на нашу пресыщенность все более и более жестокими видеосюжетами из разных уголков света, запечатленными со все более высоким количеством пикселей нашими смартфонами.

В ответ на нынешнее культурное противостояние в Польше, и в особенности на всплеск гомофобии в ее официальной пропаганде, профессор Кевин Мосс метко сформулировал такой вопрос: «Сделать Польшу снова Россией?» Такая вот постановка проблемы оставляет в стороне Трампа с Путиным, неолиберализм с коммунизмом, но зато выделяет именно те элементы в картине (центральной) Европы, которые я хотел бы изучить здесь. Это как бы вариация на тему пророческой пьесы Альфреда Жарри в жанре бурлеск, посвященной власти и

алчности. Случайным образом, действие пьесы помещено им в Польшу, и впоследствии ее обработает для оперной постановки польский же композитор Кшиштоф Пендереcki, уже после краха коммунистической системы. Но в то же время, это вариация, проникнутая осознанием всего того, что принес с собой двадцатый век.

Virtualized (still) ~ Dagmar Schürer

«НЕТ, ЭТО НЕ СТОУНВОЛЛСКИЙ БУНТ»

Каким именно образом личный выбор одного человека становится жизненно важным вопросом в дебатах о будущем целой страны? (И, с другой стороны, как тот же самый личный выбор одного человека всем приходится игнорировать, как в случае с Берлускони или с Трампом?) Об этом стоит задуматься, глядя на культурные стычки в Польше (и не только в ней), где на арену выходят новые политические силы.

Наряду с ЛГБТ, польское движение за права женщин тоже все больше и больше вмешивается в политическую жизнь – выходя на защиту права на индивидуальный выбор каждой, против традиционной власти церкви и государства над личной жизнью. Будучи страной с быстро растущей экономикой (22-е место по номинальному ВВП), традиционная по духу Польша скептически воспринимает социокультурные перемены, вызванные этим экономическим ростом. Она — не целиком светское общество, но также и не имеет официальной религии. Поставляя миллионы своих мигрантов в страны Западной Европы, но при этом не приветствуя беженцев у себя, Польша с трудом пытается нащупать свою культурную идентичность в наше время, сохранив при этом ключевые особенности Европы в целом.

В наши дни, Польша уже прославилась на весь мир «зонами, свободными от ЛГБТ», которые созданы примерно в сотне городов и регионов страны, в основном в ее восточной части. Попытки объявить аборт целиком вне закона или же опровергнуть всю гендерную «идеологию» идут рука об руку с заявлениями парламентариев, например таким, какое сделал Иоахим Бруджиньски: «Польша красивее всего без всяких ЛГБТ».

Агитационные автофургоны, финансируемые фондом по борьбе с абортами, стали курсировать по польским улицам с начала 2019 года. Остановить их невозможно, ибо Статья 256 Уголовного Законодательства Польши запрещает «проявления ненависти, основанные на национальных, этнических и религиозных разногласиях, а также из-за непринадлежности к какой-либо конфессии», но при этом умалчивает о ненависти на основе гомофобии или сексуальной ориентации.

После того, как Польша была объявлена наиболее гомофобной страной в Евросоюзе, по результатам ежегодного доклада организации ILGA за 2020 год, местные активисты стали реагировать все более резко, что и привело к вышеописанному нападению Марго Шутович на автофургон. Оно было расценено как «хулиганство», согласно полицейским, а телесные повреждения у всех арестованных в результате инцидента были задокументированы Национальным Комитетом по Предотвращению пыток. Из этих сводок может показаться, что мы действительно имеем дело со Стоунволлским бунтом на польский манер. Именно в этом ключе события подавались многими западными источниками, такими как Time, NBC и Vice. И все же, это не был «Польский Стоунволл» — в чем вся проблема и заключается.

Итак, варшавские события 7 августа 2020 года нельзя ставить в один ряд со Стоунволлом 28 июня 1969 года, и не только из-за разделяющей их временной дистанции в 51 год, но также с учетом хода событий в Варшаве в другой ключевой момент – в марте 1968-го. То самое место, где летом 2020 года начались протесты после ареста Марго Шутович, в 1968-м явилось сценой гораздо более крупного политического террора. Тогда некие элементы внутри коммунистического режима разжигали и направляли антисемитские погромы, с целью продемонстрировать свою власть и прибрать к рукам все управление Коммунистической партией Польши. Это привело к изгнанию зарубеж более пятнадцати тысяч польских граждан еврейского происхождения – с отметкой в паспорте, гласившей «Предъявитель сего не является гражданином Польской Народной Республики».

Горстка тех, кто пережил там Холокост, были по преимуществу интеллектуалы, деятели культуры или науки. Более чем вероятно, что и нынешние варшавские события тоже инспирированы как попытка повлиять на исход внутреннего конфликта в правящей коалиции. Борются две фракции: премьер-министра Матеуша Моравецкого и министра юстиции Збигнева Зебро, которые оба стремятся занять лидирующую позицию после ухода главы правящей партии, Ярослава Качиньского.

Однако, как в 1968-м, так и в 2020-м, помимо использования политического террора против определенного меньшинства, в обществе обострилась настоящая враждебность, если не сказать ненависть – которую тоже можно использовать в своих целях (что и было сделано в обоих случаях). Также присутствует (подсознательное) воспоминание о прошлых событиях подобного рода, которое вскрывает неразрешенные, глубоко запрятанные в память проблемы общества. Такие, например, как дебаты о самой роли польского народа в Холокосте, и, более широко, о наследии польских евреев, которых почти уже в стране не осталось. Тем не менее, их жилища, имущество и следы пребывания в Польше по-прежнему налицо.

Как однажды заметил Адам Остольски, феномен гомофобии в Польше развивается по тому же шаблону, что и польский антисемитизм. Так же, как в 30-е годы там не существовало правовой защиты еврейского меньшинства, а газеты и журналы легко находили объяснения последствиям притеснений, там нету и сегодня правовой защиты от гомофобии. Как было отмечено, оба эти явления сходны по своей структуре, и имеют историческую преемственность, такую как законодательные запреты.

Такова глубинная подоснова этой картины. Она напоминает палимпсест — старый холст, где новое изображение нанесено поверх стертого. Но эта историческая взаимосвязь гомофобии и антисемитизма также напоминает ризому – то есть, подобие переплетенных корней дерева. Ибо мировая глобализация выявляет как местные особенности, так и более широкие межкультурные тенденции, повторы и нововведения, которые переплелись сегодня во всей Центральной Европе. Это продемонстрировали Хельга Миттельбауэр и Кэрри Смит-Прей в своем исследовании, сравнившем эпоху 1900-ых годов и годов 2000-ых в данном регионе.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА, ИЛИ НЕУДАВШИЙСЯ ПРОМЕЖУТОК КУЛЬТУР...

Осознание недавних событий в Варшаве как «нового Стоунволла» в истории нашей планеты вызывает как надежду (на изменения к лучшему), так и разочарование (оттого, что это случилось так поздно). О надеждах часто забывают, глядя на все многочисленные регионы, группы и меньшинства, которым еще приходится отстаивать свои права. Но есть и другие, тоже очевидные причины не придавать значения уникальности событий в Варшаве: ведь признание международной и политической важности модели «сделано в США» было бы также и признанием самих Соединенных Штатов как сверхдержавы всего неолиберального мироустройства, или даже более того. Ведь «снова великой» Америка может стать, либо демонстрируя способность вдохновлять людей по всему миру своим примером, либо наоборот — умением поворачивать социальный прогресс вспять.

Многочисленные конфликты по всему миру, в которых угнетенное меньшинство вдруг решает дать отпор – и не только ненасильственными методами – часто расценивают как ответвление той тенденции, которая берет начало от движения за гражданские права в США в 60-е годы. За этим движением последовали (но не сказать, что целиком добились результатов) прогрессивная эмансипация женщин, движения за права ЛГБТ, а также движение американцев-инвалидов. Это прогрессивное начало Америки стоит признать, из-за ее политического, экономического и культурного влияния по всему миру. Но также и из-за ведущихся в Америке обширных культурных исследований (включая расовые, пост-колониальные, гендерные итд.) — чтобы изучить разнородные общественные элементы, и таким образом углубить наше понимание роли индивида в социуме.

С другой стороны, эти же факторы могут создавать одностороннее восприятие любого движения в мире, которое внешне напоминает нечто происходившее в американском контексте. В итоге же, примеры отстаивания прав меньшинств где бы то ни было лучше всего находят выражение через научное и культурное осмысление событий именно в Соединенных Штатах. Оно и формирует – если не сказать определяет – как восприятие этих движений за рубежом, так и то, как их участники желают воспринимать самих себя.

Эти угнетаемые меньшинства, с одной стороны, могут вдохновляться зарубежными примерами сопротивления, которые легко доступны благодаря возникновению интернета. С другой стороны, угнетающие их группы тоже черпают вдохновение и общаются между собой точно так же, онлайн. Лозунг «Сделаем Польшу снова великой!» объединяет в себе самые разные популистские платформы и выступления, а также финансовую поддержку государства. Взятые вместе, они обещают преподнести модернизацию общества, которая наконец избавит от надоевшего наследия коммунистической системы с ее центральным планированием экономики, в то же время уводя от негативных последствий промышленного развития, которые ощущаются ежедневно и повсеместно.

Поэтому, острая нужда в борьбе со смогом, продолжающееся использование угля в больших количествах, чрезмерная нагрузка на природные ресурсы от нерегулируемой эксплуатации рек и вплоть до угрозы самому последнему в Европе нетронутому лесному массиву — все это напоминает отношение бразильского лидера Болсонаро к природным богатствам его страны.

С глобальной точки зрения, и согласно теории мировых систем Иммануила Уоллерстейна, Польша и Бразилия схожи. Это страны, которые расположены отчасти на периферии, но зато прямо у порога более значимых и высокоразвитых стран, которые составляют мировое ядро. В глазах многих поляков, их менталитет жителей страны, находящейся как бы «у порога» более важного соседа, как раз и мешает Польше развиваться. Стремление перешагнуть (или просто забыть) этот культурный промежуток присуще обеим враждующим сторонам варшавских бунтов.

И те и другие переносят свое противостояние в идейную плоскость – для одних, это преобладание и власть, для других это свобода самовыражения, включая и сексуальную ориентацию.

Активисты ЛГБТ могут мечтать о восстаниях вроде Стоунволлских бунтов или событий в квартале Кастро в Сан-Франциско, пока их противники, в свою очередь, равняются на события в Шарлоттсвилле или на техасских рэйджеров. Здесь стоит заметить, что новоизбранный президент Польши всего за несколько дней до выборов посетил Белый Дом для подписания ряда достаточно важных документов. Для многих поляков, Соединенные Штаты остаются как сверхдержавой, так и идеализированной моделью общества. Таким вот образом, конфликты и парадоксы, взятые из американского контекста, формируют восприятие конфликтов и парадоксов, происходящих на польской почве.

Проявления этого влияния многочисленны – от движений за эмансипацию до политики популизма, от противоборства сторон через Твиттер вплоть до сравнений нарядов польской президентской четы с костюмами вымышленной президентской четы Ундервуд, из сериала Карточный Домик в сети Netflix. Глядя на США, пристально и восхищенно, поляки тем самым разыгрывают партию со своими собственными соседями как с Востока, так и с Запада. Это и дискуссии о присутствии большего количества американских войск в Польше (против России), и разговоры о разработках сланцевого газа – что идет вразрез с озабоченностью экологией в Евросоюзе. А кстати, что же думает о Польше вся остальная Европа, Центральная и вообще?

СТРАНА ИЗ «РЕГИОНА ПРОТИВОРЕЧИЙ», НО МАЛО ПРИЗНАВАЕМАЯ

Вслед за развалом коммунистической системы, страны Центральной Европы получили свободу, позволившую им начать неолиберальную модернизацию. Она характерна для эпохи позднего капитализма (хотя, можно обсуждать, был ли это на то время единственный и «безальтернативный» вариант, как выражался один из кумиров моего отца). Эти страны тогда же начали интеграцию в структуры НАТО и Евросоюза, несовершенства чего становятся все очевиднее в наши дни. В то самое время, развитие гражданского общества вывело на первый план вопросы меньшинств и маргинализированных сообществ. В особенности тех, которым ранее затыкали рот (например, ЛГБТ-сообществу) — не давая права на самовыражение, практически в любом виде, когда была власть коммунистов.

Однако же, последние годы продемонстрировали невозможность общественного развития согласно стандартным и упрощенным шаблонам, несмотря на размах макроэкономических перемен. Говоря иначе, трудно забыть тяжелое прошлое данного региона, который Тимоти Снайдер назвал «кровавой землей» двадцатого

века – славное прошлое разных культур и этносов, но при этом тоталитарное и травмированное.

Центральную Европу можно рассматривать как «регион противоречий» (Region der Differenzen), согласно определению Морица Цаки – основателя австрийской школы центрально-европейских исследований, имевшего австрийско-венгерско-словацкое происхождение. Сама его биография хорошо отражает особенности той части Европы, которую называют Центральной. Она стала своеобразной «свалкой империй», согласно другому исследователю по имени Омер Бартов. Вся Центральная Европа несет на себе исторические травмы двадцатого века, но она же увлекается сегодня и националистической мифологией, уходящей в век девятнадцатый. К тому же, она страдает от хронического дефицита признания, ибо к странам региона недостаточно прислушивается Запад (а точнее, то самое «ядро» мировой системы).

Но есть главное, которое необходимо принимать во внимание при любой попытке анализа социально-политических событий региона. Это культурный состав и истоки современных наций – польской, чешской, словацкой, украинской, и литовской, например. Чья национальная идентичность, попросту говоря, не была создана властными распоряжениями какого-либо государства в девятнадцатом веке. Нет, она укоренилась, сохранялась и развивалась в рамках их собственной самобытной культуры. Для этих наций, государственная власть явилась чуждой, и более-менее враждебной силой (будь то Австро-Венгрия, германский Третий Рейх или же царская Россия).

Так же и в двадцатом веке, когда происходила оккупация со стороны нацизма и затем коммунизма, национальные убеждения были в одночасье возрождены и адаптированы к современности, чтобы противопоставить их чуждому политическому и культурному влиянию, а также индоктринации извне. Такой национализм, как недавно утверждал Джон Коннели, может быть первопричиной, а не следствием того, что разные империи и идеологии все пытаются подчинить себе этот регион, и безуспешно.

С самого наступления современной эпохи, в Центральной Европе возникла экзистенциальная боязнь просто взять и исчезнуть с мировой карты. Вот, например, Польша, которая вообще не существовала как независимое государство с 1795 года, не говоря уже о массовых уничтожениях ее населения руками нацистов и сталинских режимов, и о насильственном переселении нескольких миллионов человек в 1940-е годы. Устройство польского общества перешло от весьма значительной культурной, этнической и религиозной разнородности, скажем, в 1935-м году, к радикальным преобразованиям, которые устроили коммунисты всего десятилетие спустя.

Анджей Ледер, например, называет перемены того времени «революционными блужданиями во сне», как сказано в его выдающемся очерке 2013-го года.

Перемены, происходившие в других странах гораздо более постепенно, такие как

урбанизация, индустриализация, возникновение среднего класса, политическая эмансипация женщин итд., в Польше заняли предельно короткий промежуток времени. Это и вызвало страдания, надолго засевшие в самых глубоких закоулках польского национального характера.

Страдания эти возникли и от уникальной, неоднозначной роли в трагедии Холокоста. В ней поляки явились и очевидцами, и жертвами, и (отчасти) зачинщиками, в одно и то же время. Исследователи все еще стремятся понять – если такое вообще возможно – последствия той исторической травмы для людей, которые теперь возрождают свою страну после 1989-го года на руинах системы, которая им целиком не принадлежала. Стараясь в то же время возродить мультикультурализм, только уже в его глобализированном виде.

«БЫТЬ ДЕМОКРАТОМ, ЗНАЧИТ НЕ БОЯТЬСЯ»: ПРОГРЕСС ИЛИ ПЕРЕМЕНЫ?

Таким образом, распространенная в Польше и окружающем ее регионе боязнь «исчезнуть и раствориться» исходит от исторической травмы всего региона. Но также и от всей современной логики неолиберализма, с ее тенденцией нивелировать общества под единый потребительский стандарт, где везде одинаково насаждаются Убер, Макдональдс итд. В этом самый глубинный уровень центрально-европейской привязанности к своей культуре и ценностям. Отсюда проистекают враждебность и иногда даже ксенофобия, вызванная процессами глобализации. Отсюда же, в основном, возникает и неприятие свобод личности, а также любой непохожести (гендерной, сексуальной, расовой).

После того, как Польша стала свободной от коммунизма, она начала сопротивляться попыткам навязать ей новые «чуждые» модели. Это можно объяснить через механизмы само-колонизации, как отметил в своем увлекательном очерке 2011-го года Ян Сова: исходящие от Евросоюза требования социокультурной модернизации поляками отвергаются, во имя их собственных традиций и религии. Их преобладание свойственно всему региону, но Польше в особенности – о чем, возможно, забыли «нео-большевики» в странах Запада.

Этой реакции неприятия чужих ценностей символически сопутствует одно смутное ощущение – что страну экономически эксплуатируют. В ее дискурсивной матрице, так сказать, Польша видит себя «встающей с колен» — о чем не устает заявлять пропаганда правящей Партии Права и Справедливости (PiS). Такое видение событий очень смахивает на то, как Америка собирается стать «снова великой». В обоих случаях, хотя и в разной мере, используются гомофобия, лесбофобия и трансфобия — с целью пробудить в обществе то, что гендерные исследования называют «гетеро-национализм». Он включает в себя сознательное насаждение настроений против ЛГБТ, как некий способ возрождения национальной, этнической и религиозной идентичности.

Этот гетеро-национализм, однако, есть и реакция на «фемо» и «гомо»-национализм. Здесь мы видим «политический дискурс, который сознательно скрывает колониализм и глобальное неравенство, перенося внимание на гомофобию, которая якобы свойственна только не-западным странам», как утверждает Питер Друкер. Поэтому, Польша может служить отличным примером того, как давление извне ради насаждения единой глобализированной модели модернизации на стадии позднего капитализма ведет население к фрустрации, отторжению, враждебности и ненависти – которыми умело манипулируют политики.

И особенно в регионе, где взаимозависимость с Западом может предстать как вариант модели ориентализма, которую выработал Эдвард Саид и модифицировал Ларри Вольфф. Потому, что эпоха Просвещения, глядевшая на Варшаву и Будапешт из Парижа или Лондона, ограничилась сознательным культивированием «идеи отсталости Восточной Европы, чтобы проще было утвердить важность Европы Западной». Но сегодня, взгляд на Центральную Европу и Польшу – это хороший повод, если вообще не необходимость, по-другому осознать глобальную, социальную и экономическую справедливость.

В последнее время, взаимосвязи глобализированной экономики и различные формы неравенства высветились во всей их хрупкости и жестокости пандемией, которая будет бушевать на планете еще годы. Здесь и сегодня, тот вывод, который сделал несколько лет назад Леннард Дэвис с точки зрения исследований прав инвалидов, звучит более уместно, чем никогда. Согласно его формулировке: «Непохожесть свойственна нам всем. Идентичность не зафиксирована, а видоизменяется. Технология не отдельна от тела, а составляет его часть. Зависимость, а не независимость, есть основное правило».

Как выразился однажды Иштван Бибо: «Быть демократом, значит не бояться». Стоя поодаль, иногда видишь яснее всего.

~ Матеуш Шмурски
Париж, 16 августа 2020 года

Ascherson, Neal. Review of *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*, by Timothy Snyder. *The Guardian*, 8 Oct. 2010, <https://www.theguardian.com/books/2010/oct/09/bloodlands-stalin-timothy-snyder-review>.

Associated Press. "Polish Stonewall? Protesters decry government's anti-LGBTQ attitudes." *NBC News*, 10 Aug. 2020, <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/polish-stonewall-protesters-decry-government-s-anti-lgbtq-attitudes-n1236273>.

Atlas nienawisci [Atlas of Hate]. <https://atlasnienawisci.pl/>.

Bartov, Omer, and Eric D. Weitz, editors. *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands*, Indiana UP, 2013.

Bault, Olivier. "What happened to Polish shale gas?" *Visegrád Post*, 29 Mar. 2018, <https://visegradpost.com/en/2018/03/29/what-happened-to-polish-shale-gas/>.

Ciensi, Jan, and Andrew Kureth. "Poland takes a tough line ahead of COP21." *Politico*, 30 Nov. 2015, <https://www.politico.eu/article/poland-tough-line-cop21-paris-climate-summit/>.

Dellanna, Alessio, and Matthew Holroyd. "LGBT campaigners denounce President Duda's comments on 'communism'." *Euronews*, 15 June 2020, <https://www.euronews.com/2020/06/15/polish-president-says-lgbt-ideology-is-worse-than-communism>.

DeYoung, Karen. "His reelection uncertain, Polish president seeks a boost from Trump." *The Washington Post*, 21 June 2020, https://www.washingtonpost.com/national-security/his-reelection-uncertain-polish-president-seeks-a-boost-from-trump/2020/06/21/54e35e00-b324-11ea-8f56-63f38c990077_story.html.

Druker, Peter. "Homonationalism, Heteronationalism and LGBTI Rights in the EU." *Public Seminar*, 31 Aug. 2016, <https://publicseminar.org/2016/08/homonationalism-heteronationalism-and-lgbti-rights-in-the-eu/>.

Grzywaczewski, Grzegorz, and Ignacy Kitowski. "The ecosystems of large unregulated rivers of Central Europe are under pressure." *Oryx*, vol. 53, no. 4, 2019, pp. 608–609, doi:10.1017/S0030605319000644.

Hume, Tim. "Violent Arrests Spark Protests Against Polish Government Homophobia." *Vice*, 12 Aug. 2020, https://www.vice.com/en_us/article/k7qkbe/polish-stonewall-margot-szutowicz-arrest-homophobia.

ILGA Europe. *Annual Review of the Human Rights Situation of Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex People*. 4 Feb. 2020, <https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/Attachments/Annual%20Review%202020.pdf>.

Lechowicz-Dyl, Katarzyna. "W związku z piątkowym zbiegowiskiem w Warszawie zatrzymano 48 osób" ["In connection with the Friday rally in Warsaw, 48 people were detained"]. *Polska Agencja Prasowa*, 8 Aug. 2020, <https://www.pap.pl/aktualnosci/news.696067.w-zwiazku-z-piatkowym-zbiegowiskiem-w-warszawie-zatrzymano-48-osob.html>.

Matysiak, Jan Carl. "Calls for help: Białowieża—the last wild forest in Europe." *Global Forest Coalition*, 20 Oct. 2017, <https://globalforestcoalition.org/calls-help-bialowieza-last-wild-forest-europe/>.

Mitterbauer, Helga & Smith-Prei, Carrie, eds. *Crossing Central Europe. Continuities and Transformations, 1900 and 2000*. University of Toronto Press, 2017.

Ostolski, Adam. "Spiskowcy i gorszyciele. Judaizowanie gejów w polskim dyskursie prawniczym" ["Conspirators and scandals. Judaizing gays in the Polish right-wing discourse"]. *Jak się dzielimy i co nas łączy? Przemiany więzi i wartości we współczesnym społeczeństwie polskim* [How do we share and what connects us? Transformations of ties and values in contemporary Polish society], edited by M. Głowacka-Grajper and E. Nowicka-Rusek, Warsaw: Nomos, 2007, pp. 156-178.

"Poland GDP, 1985-2019 Data." *Trading Economics*, <https://tradingeconomics.com/poland/gdp>. Accessed Aug. 2020.

"Pompeo signs deal to move US troops from Germany to Poland." *DW News*, 15 Aug. 2020, <https://p.dw.com/p/3h0hN>.

Polish Penal Code. Art. 256, "Propagowanie faszyzmu lub innego ustroju totalitarnego" ["Promotion of fascism or other totalitarian system"]. *ArsLege*, 6 June 1997, <https://www.arslege.pl/propagowanie-faszyzmu-lub-innego-ustroju-totalitarnego/k1/a292/>.

Roache, Madeline, and Suyin Haynes. "#PolishStonewall: LGBTQ Activists Are Rallying Together After Police Violence at Protests in Warsaw." *Time*, 11 Aug. 2020, <https://time.com/5878424/poland-lgbt-protests-police-brutality/>.

Rzecznika Praw Obywatelskich. "KMPT wizytuje policyjne miejsca detencji po nocnych zatrzymaniach w Warszawie" ["The NMPT visits police places of detention after night arrests in Warsaw"]. *Rpo.gov.pl*, 8 Aug. 2020, <https://www.rpo.gov.pl/pl/content/kmpt-wizytuje-policyjne-miejsca-detencji-po-nocnych-zatrzymaniach-w-warszawie>.

Sieradzka, Monika. "Poland marks 50 years since 1968 anti-Semitic purge." *DW News*, 8 Mar. 2018, <https://www.dw.com/en/poland-marks-50-years-since-1968-anti-semitic-purge/a-42877652>.

Sitnicka, Dominika. "Homofobiczne furgonetki jeżdżą po Polsce. Jakim prawem?" ["Homophobic vans drive around Poland. By what right?"]. *OKO.press*, 11 Aug. 2020, <https://oko.press/homofobiczne-furgonetki-jezdza-po-polsce-jakim-prawem-analiza-oko-press/>.

Sowa, Jan. *Fantomowe ciało króla. Peryferyjne zmagania z nowoczesnąformą* [The King's Phantom Body. A Peripheral Struggle with Modern Form]. Translated by Paweł Wasilewski, Universitas, 2011.

United Nations Statistical Division. "National Accounts—Analysis of Main Aggregates." *Unstats*, <https://www.ilga-europe.org/sites/default/files/Attachments/Annual%20Review%202020.pdf>, Accessed 30 Aug. 2020.

Wielowieyska, Dominika. "Ziobro is acting like a self-appointed Prime Minister within the Polish government, the tail is wagging the dog." *Gazeta Wyborcza*, 14 Aug. 2020, <https://wyborcza.pl/7,173236,26209375,ziobro-is-acting-like-a-self-appointed-prime-minister-within.html>.

Wolff, Larry. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford UP, 1994.

World Bank. "Air Quality in Poland." *The World Bank Group*, 2019, <http://documents1.worldbank.org/curated/en/426051575639438457/pdf/Air-Quality-in-Poland-What-are-the-Issues-and-What-can-be-Done.pdf>.

Zagata, Arek. "10 momentów kiedy Agata Duda wyglądała jak Claire Underwood z 'House of Cards'!" ["10 moments Agata Duda looked like Claire Underwood from 'House of Cards'!"]. *Party.pl*, 30 May 2017, <https://party.pl/styl-gwiazd/trendy-i-styl/agata-duda-house-of-cards-nowy-sezon-sezon-5-claire-underwood-28000-r3/>.

Mateusz Chmurski is Assistant Professor at the Faculté des Lettres, Sorbonne Université, Paris, France.

Dagmar Schürerer is a media artist based in Berlin, Germany. The digital image, found and generated, is her material to form a visual language beyond analogue perception, reflecting on the possibility of creating new worlds and stories in digital space by following a subjective system of ordering.

Virtualized is shown here as a still from the full video work that is featured in full on stillpointmag.org.